

Национальные государства перед лицом культурного плюрализма¹

Глобальные миграции ощутимо изменяют этнодемографическую структуру современных государств, а вместе с тем — их культурный ландшафт. Хотя миграционные потоки текут не только с «Юга» на «Север», мы сосредоточим внимание в основном на странах «Севера». Причина тому — особенности их политико-правовых систем. Будучи либеральными демократиями, они специфическим образом реагируют на социокультурные изменения, порождаемые (им) миграцией. Под влиянием этих изменений меняется публичный дискурс. В общественных дискуссиях либерально-демократических стран в последние четверть века интенсивно обсуждаются темы «постнационального государства» и «мультикультурного гражданства» — темы, которые в странах с авторитарными режимами никому не кажутся интересными. Швеция, например, в этническом и культурном отношении гораздо более однородна, чем Китай, однако озабоченность проблематикой культурной диверсификации куда более характерна для Швеции, чем для Китая.

Феномен гражданства: от классических концепций к неклассическим

В общественном сознании промышленно развитых стран произошел характерный сдвиг: от приоритета государства перед индивидом к приоритету индивида. Условием легитимности государства считается его способность гарантировать безопасность и обеспечивать соблюдение прав его граждан. Этот сдвиг сказался и на современной *теории гражданства*.

В XIX веке считалось само собой разумеющимся, что государству присуще право натурализовать и денатурализовать (т. е. делать гражданами и лишать гражданства) проживающих на его территории индивидов. Иностранцев часто натурализовывали, не спрашивая их согласия. Диссидентов лишали гра-

¹ Настоящий текст представляет собой фрагмент книги: Малахов В. С. *Государство в условиях глобализации*. Учебное пособие. Книга готовится к печати в издательстве «Книжный дом Университет».

жданства и выдворяли из страны. С победой либерального миропонимания утвердилось убеждение, что «каждый человек имеет право на национальность» и что «никто не может быть лишен национальности» без его или ее воли.²

У суверенитета, которым обладают государства, два аспекта. *Территориальный* суверенитет предполагает, что каждый индивид, живущий на территории определенного государства, подчиняется законам этого государства. *Народный* суверенитет предполагает, что индивиды, населяющие то или иное государство, рассматриваются не как резиденты территории, а как члены определенной политики. В случае мигрантов эта неконгруэнтность — несовпадение территориального и народного суверенитета — удваивается. Мигранты — это резиденты, исключенные из политики (до тех пор, разумеется, пока они не получают гражданство). Они не составляют части политического тела, лежащего в основе «народного суверенитета». Вместе с тем они — представители чужого суверенитета. Будучи гражданами другого государства, они несут с собой его территориальный суверенитет и как бы расширяют его территорию.

Впрочем, такое рассуждение выдержано в духе классических теорий гражданства.³ Эти теории на сегодня устарели. Они исходили из постулата о совпадении границ государства и границ гражданства. Однако в современном мире (по крайней мере, в либерально-демократических странах) все чаще имеет место *несоответствие государственных границ и границ гражданства*. Гражданство «делится» между различными политическими сообществами. В этой связи наблюдатели ведут речь о «перекрестном политическом членстве», о множественности и комплексности политического членства. Один индивид — одновременно член нескольких политических сообществ на разных уровнях.⁴

Немецкий исследователь Райнер Баубек предлагает такой мысленный эксперимент. Представим себе курдского иммигранта, натурализованного во Франции. Он является обладателем французского и турецкого паспортов. Предположим, что в настоящий момент он (пользуясь предоставляемым ЕС правом свободного передвижения) поселился в Германии. Это значит, что он имеет право голосовать на муниципальных выборах в Германии и на выборах в Европейский парламент. При этом он сохраняет право голоса на парламентских выборах во Франции и в Турции. Таким образом, он является гражданином двух национальных государств, одного сверхнационального союза и в то же время может чувствовать себя принадлежащим курдской нации, которая, не будучи государством, не может предложить ему гражданства.⁵

² В этих формулировках международных правовых документов молчаливо подразумевается тождество национальности и гражданства, поскольку нация отождествляется с государством.

³ Классический труд здесь — «Гражданство и социальный класс» Томаса Маршалла (1950). Переработанную версию см.: Marshall T. H., Bottomore T. *Citizenship and Social Class*. London: Pluto Press, 1992.

⁴ О феномене «глобального гражданства» см.: Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.

⁵ См.: Bauboeck R. *Social and cultural integration in a civil society // The Challenge of Diversity: Immigration and Pluralism in Societies of Immigration / Ed. By R. Bauboeck, A. Heller, A. R. Zollberg*. Aldershot, Brookfield USA, Hong Kong, Sydney: Avebury, 1996. P. 67–131.

Модели гражданства в современном либерально-демократическом государстве

В странах, считающихся либеральными демократиями, действует две основных модели гражданства — «право почвы» (*jus soli*) и «право крови» (*jus sanguinis*). Право почвы означает, что основанием предоставления гражданства является факт рождения индивида на территории данного государства, а право крови предполагает, что таким основанием служит (этническое) происхождение. Ориентация на право почвы характерна для Соединенных Штатов и других «иммиграционных государств», а также для Франции.

«Право крови» до недавнего времени с особой последовательностью применялось в двух странах — в Германии и Израиле. Немцем, как и евреем, можно было только родиться и (почти) невозможно стать. Однако на рубеже 1990–2000-х годов Германия внесла в свое законодательство поправки, облегчающие включение в национальное сообщество новых членов, не являющихся немцами этнически.⁶ Предпочтение «праву крови» отдается также законодательствами о гражданстве в Греции, Испании и Бельгии. В Великобритании и Скандинавских странах принятые модели гражданства ближе к «праву почвы». Однако на практике регулирование вопросов гражданства строится на сочетании обеих моделей.

Уместно сделать одно уточнение, касающееся французской политики в отношении гражданства. Во Франции долгое время практиковалось почти чистое «право почвы», согласно которому натурализация детей мигрантов происходила автоматически. Но такая практика противоречит идее демократической легитимации власти: власть государства над индивидами только тогда может быть признана легитимной, когда их вступление в членство данной политики произошло добровольно. К тому же с французской практикой не было согласно правительство Алжира, которое, опираясь на «право крови», рассматривало живущих во Франции выходцев из Алжира как своих граждан. В итоге был найден компромисс — институт двойного гражданства.

Тенденция к либерализации правил членства в политическом сообществе нашла выражение в концепции «мультикультурного гражданства».

Суть концепции «мультикультурного гражданства» заключается в том, что членство в политике не обуславливается некоей строго определенной культурной лояльностью. Гражданин того или иного государства может иметь культурную идентичность, отличную от официально поощряемой, и тем не менее принадлежать национальному политическому сообществу, быть его полноправным членом.⁷ Например, можно быть мусульманином (а также алжирцем, мавританцем и т. д.) и в то же время — испанцем, индусом и в то же время — британцем, конголезцем, и в то же время — бельгийцем и т. д. Иными словами, та или иная *культурная лояльность* не рассматривается как непременное условие *политической лояльности*.

⁶ О немецком подходе к национальной и государственной принадлежности см.: Малахов В. С. *Национализм как политическая идеология*. М.: Книжный дом Университет, 2005. С. 259–260.

⁷ См: Kymlicka W. *Multicultural Citizenship. A liberal Theory of Minority Rights*. Cambridge, 1995.

Влияние политической традиции на отношение государств к культурному плюрализму, связанному с иммиграцией

Понятно, что исторически проживающие на территории того или иного государства этнические меньшинства не могут оказать на изменение культурного ландшафта страны того влияния, которое на него оказывает (им) миграция.

На первый взгляд может показаться, что терпимое или, напротив, нетерпимое отношение государств к диверсификации собственного культурного пространства, порождаемого миграцией, определено приверженностью их правительств той или другой концепции нации. Там, где доминирует представление о нации как по преимуществу политическом сообществе, резонно ожидать большей терпимости к мигрантам и их культурным идентичностям, а там, где преобладает понимание нации как этнического сообщества, терпимости к культурному разнообразию должно быть меньше. Такой взгляд, однако, не совсем верен. Достаточно вспомнить о Франции. Приверженность к пониманию нации как согражданства не мешает французскому обществу крайне негативно относиться к публичному проявлению культурных (языковых, религиозных, этнических) различий. И напротив, Германия, среди политических элит которой долгое время господствовала этническая модель нации, в 1980–1990-е годы активно внедряла у себя практики «мультикультурализма». Не очень помогает и деление государств на «иммиграционные» (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) и «национальные» («старые» государства Западной Европы). Стратегии многих европейских стран — например, Нидерландов — в отношении миграции не вписываются в традиционную модель «национального государства» (понимаемого как этнически и культурно однородное). И наоборот, некоторые «иммиграционные государства» — например, Австралия при кабинете Ховарта — принимают решения, явно ориентированные на модель национального государства в «этническом» (этнокультурном) понимании слова «национальный».

По-видимому, источник различий в восприятии иммиграции и культурной диверсификации, с ней сопряженной, следует искать в *различиях политических культур*.

Так, страны с длительной плюралистической традицией (в частности, Великобритания и Нидерланды) обнаруживают гораздо большую толерантность к культурному плюрализму, чем страны, такой традиции не имеющие. В то же время достаточно высокую степень терпимости к разнообразию проявляет Швеция, которая не имеет ни иммиграционного прошлого, как США или Канада, ни имперской предыстории, как Нидерланды или Великобритания. Объяснение этому обстоятельству можно найти в характерной для этой страны *социал-демократической традиции*. Долгий период правления социал-демократов создал «шведскую модель» правления, одна из основных черт которой — патернализм государства по отношению к незащищенным группам населения (а мигранты относятся именно к этим группам).

Проиллюстрируем влияние политических традиций на восприятие культурного разнообразия на примере двух европейских стран — Великобритании и Франции. Франция исповедует идеологию «республиканизма» — безусловной приверженности идеалам Республики, провозглашенной революцией

1879 года. Верность этим идеалам означает отказ индивидов от иных лояльностей, кроме лояльности Республике. Быть французом — значит быть гражданином (неважно при этом, из какой страны вы прибыли). Но справедливо и обратное: быть гражданином, т. е. полноправным членом политического сообщества — значит, быть французом, т. е. ставить ценности французской культуры выше всех других ценностей. На практике это означает колоссальное ассимиляционистское давление на мигрантов и их потомков. Британии, напротив, свойственна традиция жизненно-стилевого и идеологического плюрализма. От подданных королевы (не забудем, что эта страна считается монархией) ожидают политической лояльности, но от них не требуют культурной идентификации с «британской культурой».

Резко контрастируют друг с другом французский *лаицизм*, с одной стороны, и британская веротерпимость — с другой. Лаицизм — строжайшее отделение церкви от государства — предполагает, что религиозные убеждения граждан являются исключительно их частным делом. Их место — в приватной сфере, тогда как публичная сфера должна быть нейтральна по отношению к конфессиональным предпочтениям отдельных индивидов. Британской традиции религиозной толерантности подобная ригидность чужда. Вынесение в публичную сферу признаков конфессиональной принадлежности подданных здесь не вызывает протестов ни со стороны государства, ни со стороны общества.⁸

Различия в моделях интеграции

В Лондоне действует множество поддерживаемых властями общественных организаций, существование которых трудно представить себе в Париже. Например, Muslim Welfare House, регулярно получающий гранты от правительства. Его клиенты — не только выходцы из когда-то принадлежавших британской короне регионов (индийцы, пакистанцы, бангладешцы), но и албанцы, алжирцы и другие мигранты из исламских стран. Здесь можно получить помощь в поиске работы и жилья, найти нужную информацию о культурной жизни, например, о молодежных клубах мусульман, пройти курсы английского — или арабского! — языка.

В начальных школах Нидерландов дают уроки на языке родителей тех детей, для которых голландский не является родным. Разумеется, это имеет место только в случае, если на то высказано специальное пожелание. Такие уроки ограничены десятью часами в неделю — 5 часов в рамках учебной программы и 5 часов факультативно. В Швеции, а именно в Стокгольме, середины 1990-х годов уроки в начальных классах велись на 110 (ста десяти) языках. Цель таких великодушных (и весьма дорогостоящих) мероприятий власти — помочь как можно менее болезненной адаптации детей мигрантов к новому культурному окружению.

Особый случай представляет ФРГ. Понимание национального сообщества как сообщества происхождения долгое время вообще блокировало возможность включения в немецкое общество новых членов, этнически не являю-

⁸ Точнее, не вызывало до 7 июля 2005 года. Теракты в Лондоне изменили атмосферу в британском обществе.

щихся немцами. В течение 1950–1970-х годов власти Германии ориентировались на стратегию *сегрегации* мигрантов. «Гастарбайтеры» были де факто и де юре отделены от культурно-политического сообщества принимающей страны. От них ожидали возвращения туда, откуда они приехали (в Югославию, Турцию, Грецию, Польшу). И если уж дети и внуки мигрантов принимались в немецкое сообщество, то только при условии смены этнической идентичности. От них, в частности, требовался отказ от гражданства страны происхождения.⁹

Артикуляция культурных различий в публичной сфере

Получил широкую огласку случай, произошедший в одном из канадских судов. Судья удалил из зала заседаний свидетельницу, отказавшуюся снять головной платок (хиджаб). Он мотивировал свое решение обязательностью правил поведения для всех граждан, находящихся на территории органов власти. Это действие судьи было подвергнуто самой энергичной критике как в канадских СМИ, так и среди его коллег. Решение судьи было признано противозаконным.

В Канаде, так же как в Великобритании, Нидерландах, Германии и других западноевропейских странах, за исключением Франции, ношение «религиозных символов» в публичных местах (к которым относится и школа) не считается предосудительным. Тем более оно не рассматривается как предмет специальной регуляции на государственном уровне.

Многим европейцам было непонятно рвение, с каким французы в 2004 году настаивали на законодательном запрете демонстрации религиозных символов в публичной школе. Закон, предложенный Жаком Шираком и почти единодушно поддержанный Национальным собранием, запретил в школах, финансируемых государством, ношение одежды и другой атрибутики, указывающей на религиозную принадлежность. Формально под запрет попали и католический крест большого размера, надеваемый поверх платья, и кипа, но во французском обществе ни для кого не секрет, что новый закон нацелен против платка девочек-мусульманок (хиджаба).

В британских судах выступают адвокаты в тюрбанах, указывающих на их приверженность религии сикхов. Есть даже такой судья. В Канаде сикхам, управляющим мотоциклом, разрешено не надевать шлем (правда, страховые компании сделали в этой связи специальные оговорки). В Нидерландах и в Великобритании в течение 1980–1990-х годов открыты сотни мечетей, а также десятки индуистских храмов и молебных домов — тогда как во Франции власти, хотя и не препятствуют появлению таких заведений, прилагают максимум усилий, чтобы они оставались незаметными.

Языковая политика

Лидером по части толерантности к многоязычию является, конечно, Канада. Именно здесь с 1971 г. принято решение о равном статусе английского

⁹ Запрет на двойное гражданство сохраняется и сейчас. Попытка ввести этот институт, предпринятая «красно-зеленой» коалицией в конце 1990-х годов, не принесла результатов.

и французского языков. Все делопроизводство (работа судов и других органов власти, государственная документация и т. д. ведется на двух языках). Двуязычие распространяется на все сферы общественной жизни — от образования и СМИ до инструкций к пользованию бытовой техникой. Франкоговорящее население страны (порядка 6 млн в Квебеке и еще один миллион рассеянный по другим провинциям) не может пожаловаться на дискриминацию. Более того, законы, касающиеся развития французского языка, действующие в Квебеке, скорее дискриминационны по отношению к англоязычным жителям региона. Например, каждое предприятие, на котором работают более 50 человек, обязано пользоваться именно французским языком, независимо от реального состава его персонала. Родители франкофонных детей обязаны отдавать их во французские школы. Ярлыки на товарах в магазинах, дорожные карты и т. п. печатаются только по-французски. Позднее специальные меры по поддержке языков меньшинств приняты по отношению к аборигенному населению (индейцам). Теперь в канадских судах устанавливают до 12 кабинок для переводчиков — на случай, если кто-то из участников процесса, принадлежа одному из индейских племен, не владеет английским или французским.

На железнодорожных станциях в Британии можно видеть надписи не только на английском, но и на урду. В Австралии функционирует несколько телевизионных каналов, делающих программы для меньшинств на языках меньшинств (на китайском, вьетнамском, малайском и т. д.). В южных штатах США в радиоэфире множество испаноязычных станций. В странах, ориентированных на традиционный идеал «национального государства» такое невозможно себе вообразить. Правда, и здесь происходит определенная эволюция. Если Франция строго придерживается принципа монополии французского языка (и даже принимает закон, ужесточающий эту монополию), то другие «национальные государства» делают шаги в сторону плюрализма. В Гамбурге, например, в 2003 г. открыта первая немецко-турецкая школа, где преподавание будет вестись как на немецком, так и на турецком. В Берлине на FM частотах уже несколько лет можно слушать «Радио мульти-культуры», вещающее на русском, турецком и ряде балканских языков. Планируется расширить зону вещания на всю Федеративную Республику.

Среди государств, ориентированных на этническую модель нации, Германия — безусловный пионер в проведении политик, способствующих культурной плюрализации общества. Что касается других стран с подобной ориентацией, то здесь терпимость к культурному разнообразию, как правило, ограничивается этническими меньшинствами, исторически проживающими на их территории. В Австрии в местах компактного проживания словенцев дорожные указатели и таблички с названиями селений — на двух языках, немецком и словенском. На федеральном радио действуют постоянные программы на хорватском и словенском языках. В Италии на территории Южного Тироля вторым государственным языком является немецкий. Полная культурная автономия предоставлена немецкому меньшинству в Дании (здесь разрешена даже политическая партия, представляющая интересы этнических немцев). В Бельгии с недавних пор договорились о трех государственных языках (французский, фламандский и немецкий).

Политическая репрезентация

В США действуют две политические партии, построенные по этническому признаку — пуэрто-риканская Young Lord Party и «La Raca Unida», объединяющая выходцев из испаноязычных стран. Для сравнения приведем факт: во Франции до 1981 г. было запрещено образование *общественных организаций* (не партий) по этническому признаку.

На политической сцене Великобритании действует немало политиков, вышедших из числа меньшинств. Это касается партийных функционеров как лейбористов, так и консерваторов. Представлены «цветные» в парламенте (12 членов палаты общин и 24 члена палаты лордов — выходцы из Южной Азии и Ближнего Востока). С этой картиной резко контрастирует Национальное собрание Франции, где, если и увидишь небелые лица, то можно быть уверенным, что они принадлежат крупным чиновникам из французских «заморских территорий» (таких как Гвиана, острова в Коралловом море и т. д.). Политических деятелей, вышедших из стран третьего мира, практически нет в высших и средних эшелонах власти Австрии, Дании и Германии (в Бундестаге до недавнего времени был только один депутат турецкого происхождения). В то же время в Нидерландах присутствие таких политиков заметно. Особенно много партийных функционеров (причем как в партиях левой, так и крайне правой ориентации) — выходцы из Латинской Америки. Именно они наиболее активно выступают с антиисламскими лозунгами. Наблюдатели с удивлением отмечали, что вторым лицом в «Списке Фортейна» был чернокожий политик.

Символическая политика

Если на центральных французских телеканалах все без исключения дикторы — белокожие, то на британском телевидении от четверти до трети ведущих программ своими лицами символизируют этническое разнообразие сегодняшней Великобритании. Аналогичная картина наблюдается на американских и канадских телеканалах. В этой связи весьма симптоматична символическая политика, проводимая на протяжении последних пятнадцати лет в Германии. Здесь значительное число авторов и ведущих популярных ток-шоу имеют внешность, указывающую на иное, нежели «чисто немецкое», происхождение — от Турции и Балкан до Юго-Восточной Азии.

Две тенденции в восприятии культурной диверсификации: либерализация и этнизация

Тенденция в восприятии культурной диверсификации, которую мы описали выше, представляет собой, безусловно, тенденцию к либерализации общественного сознания и политики. «Неклассические» теории гражданства и распространение практик «мультикультурализма» указывают на постепенный пересмотр природы национального сообщества. Членство в нации, согласно такому восприятию, не предполагает одной и только одной культурной идентичности.

Между тем данная тенденция в настоящее время не является ни единственной, ни доминирующей. Наряду с ней просматривается другая — назовем ее тенденцией к *этнизации* национального сообщества. Последняя находит выражение в следующих феноменах.

1. «Национализирующиеся государства»¹⁰ Восточной Европы. Нация в таких государствах понимается исключительно как этнонация, а государство — как собственность одной этнической группы. Что касается остальных групп, то, сколь бы многочисленны они ни были, они воспринимаются в лучшем случае как арендаторы чужой собственности. Наиболее характерный случай такого подхода представляют современные Эстония и Латвия, построившие свои конституции на концепции «этнической демократии». В результате лица, не принадлежащие (этно) нации, не принадлежат политической нации (не имеют гражданства).

2. Дебаты о *Leitkultur* (руководящей, главной культуре), ведущиеся с конца 1990-х годов в Германии, и аналогичные дискуссии в других западных странах, подчеркивающие приоритет определенного (часто связанного с религией) культурного образца.

3. Наблюдающийся в странах либеральной демократии подъем правого радикализма и националистического популизма, спекулирующего на теме иммиграции.

После серии терактов 2001–2005 годов в индустриально развитом мире явно усилилась ностальгия по «классическому» национальному государству, в котором нация по умолчанию рассматривается как культурно сплоченная общность. И среди правящих классов, и в общественном мнении стран Севера растут симпатии к культурной (а где возможно — и к этнической) однородности. Мигранты желанны, таким образом, только при условии, если они готовы и способны вписаться в образцы поведения, характерные для принимающей страны. Либо они растворятся в культуре нации-государства, на членство в которой претендуют, либо им будет отказано в таком членстве.

Однако сколь бы ни был привлекателен для «золотого миллиарда» такой сценарий, он вряд ли реализуем на практике.

Дело в том, что промышленно развитые страны обречены на иммиграцию. Остановить иммиграционный поток с Юга на Север невозможно. И не только потому, что перемещение рабочей силы из неблагоприятных зон мировой экономики в благополучные является неизбежным процессом, но и потому, что Север нуждается в иммиграции — хотя бы по причине старения его населения.

Объективные тенденции в демографической динамике таковы, что в разных сегментах общества имеет место разная рождаемость. Уже на протяжении жизни поколения, родившегося в 1990-е годы, в западных мегаполисах произойдет принципиальная смена этнического состава населения: выходцев из стран Юга будет численно больше, чем «автохтонных» жителей.

¹⁰ Этот термин ввел американский социолог Роджерс Брубейкер для обозначения государств, ориентированных на идеал этнически однородной нации и готовых ради достижения этого идеала к подавлению этнокультурной неоднородности общества. См.: Brubaker R. *Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 79–106.

Но не стоит усматривать в этом грядущую катастрофу. Среди потомков переселенцев из регионов Юга, живущих сегодня в странах Севера, формируются самые разные идентичности. Люди, которые для внешнего взгляда сливаются в неразличимое пятно «мусульман», т. е. в одно сообщество, на деле образуют бесчисленное множество сообществ, отличающихся друг от друга по целому ряду параметров — географических, языковых, профессиональных, статусных, идеологических, субкультурных. Чрезвычайно разнородно иммигрантское население и в конфессиональном отношении. Большинство выходцев из «исламских стран», являются мусульманами номинально.¹¹ Наконец, в среде практикующих мусульман, в свою очередь, полезно различать между индифферентным к политике большинством, политизированным меньшинством и крайне немногочисленными группами брокеров от религии, пытающихся составить символический капитал сочинением экстремистских проповедей.

¹¹ Так, во Франции лишь 14 % выходцев из таких стран регулярно посещают мечеть и соблюдают обряды. См.: Филиппова Е. *Французы, мусульмане: в чем проблема?* // Этнографическое обозрение. 2005. № 3.